

*От Дианы Берг, Женева
Доктору Варнье,
Институт психиатрии Варнье,
Сен-Мартен-де-Комменж*

РЕЗЮМЕ ДИАНЫ БЕРГ

*психолога Швейцарской федерации психологов, специа-
листа по судебной психологии Швейцарского общества
судебной психологии*

Дата рождения: 16 июля 1976 г.

Национальность: швейцарка.

Дипломы

2002: Диплом высших исследований по клинической психологии Женевского университета. Дипломная работа: «Импульсивные действия, некрофилия и расчленение тел убитых у серийных убийц».

1999: Лицензиат¹ по психологии, Женевский университет. Тема: «Некоторые аспекты детских страхов у детей в возрасте 8–12 лет».

1995: Аттестат зрелости. Классика и латынь.

1994: Аттестат по английскому языку первой степени.

---

¹ Во Франции лицензиатом именуется ученая степень.
(Здесь и далее прим. перев.)

Практическая деятельность

2003: Частный кабинет психотерапевта и судебного психолога, Женева.

2001: Ассистент проф. Шпицнера на факультете психологии и педагогических наук Женевского университета.

1999–2001: Психолог-стажер Института судебной медицины при Женевском университете.

Психолог-стажер медицинской службы тюрьмы Шан-Долон.

Членство в профессиональных обществах

Международная академия права и психического здоровья. Женевская ассоциация психологов-психотерапевтов. Швейцарская федерация психологов.

Швейцарское общество судебной психологии.

Интересы

Классическая музыка (10 лет обучения игре на скрипке), джаз, чтение.

Спорт: плавание, бег, подводное плавание, спелеология, прыжки с парашютом.

Пролог

Дгдгдгдгдгд — так-так-так — дгдгдгдгдгд — так-так-так.
Бормотание троса прерывалось постукиванием блоков на опорах, и кабина фуникулера периодически вздрагивала. К этой какофонии добавлялся свист вездесущего ветра, похожий на испуганный детский плач. Чтобы перекрыть непрерывный грохот, тем, кто ехал в кабине, приходилось кричать. Их было пятеро, включая Гюисманса.

Дгдгдгдгдгд — так-так-так — дгдгдгдгдгд — так-тактак.

— Вот черт! До чего неохота подниматься наверх в такую погоду! — крикнул один из них.

Гюисманс молчал и старался сквозь снежные вихри, летящие вокруг кабины, разглядеть внизу озеро. Двойная нить тросов уходила в серую мглу.

Облака чуть расступились, и на миг появилось озеро. Оно блеснуло на солнце, как маленькая лужица, крошечный глазок воды среди нагромождений внезапно разорвавшихся облаков.

— А что ты с ней сделаешь, с погодой? — отозвался второй. — Так и на неделю можно застрянуть на этой гребаной горе!

Аррунская гидроэлектростанция представляет собой серию галерей, углубленных на семьдесят метров под землю на двухкилометровой высоте. Самая длинная из них тянется на одиннадцать километров. По ней вода из верхнего озера поступает в напорный трубопровод полутораметрового диаметра, сбегаящий по горе и сбрасывающий воду на турбины производственного блока, который находится внизу, в долине. Добраться до высокогорной электростанции можно только одним путем: через шахту. Вход в нее находится почти у вершины, потом надо спускаться до главной галереи на грузовом лифте, а затем, после того как закроют водяные заслонки, преодолеть около восьми километров по галереям на двухместном тягаче. Это около часа пути в полной темноте.

Есть, правда, еще вертолет, но им пользуются в крайних случаях. У верхнего озера оборудована посадочная площадка, пригодная только в хорошую погоду.

— Иоахим прав, — сказал самый старший. — В такую погоду вертолет не сможет сесть.

Они понимали, что это означает. Через несколько минут после их проезда откроются заслонки, и тысячи кубометров воды с ревом ринутся по галерее. В случае аварии понадобится около двух часов, чтобы осушить галерею, еще час, чтобы добраться на тягаче до шахты, двадцать минут на подъем, еще десять на спуск по канатке до электростанции и тридцать по дороге на Сен-Мартен-де-Комменж, если, конечно, дорога не будет перекрыта.

Если произойдет авария, то они доберутся до больницы не раньше чем часа через четыре. А станция ветшает. Она работает с 1929 года. Каждую зиму, перед

таянием снегов, бригада проводит наверху четыре недели, занимаясь проверкой, починкой и заменой отслужившего свой срок оборудования. Работа трудная и опасная.

Гюисманс следил за орлом, кружившим метрах в ста от кабины фуникулера, и молчал. Потом он перевел взгляд на ледяные провалы, смутно темнеющие под днищем кабины.

Три огромные нити трубопровода спускались в пропасть, повторяя горный рельеф. Долина уже давно пропала из виду. Метрах в трехстах внизу из тумана выступала последняя опора, поставленная там, где склон образовывал широкую полку. Кабина подъезжала к входу в шахту. Порвись сейчас трос — и кабина пролетит много десятков метров вниз и расколется о скалы, как орех. Ветер раскачивал ее, словно корзину с продуктами у спешащей домой хозяйки.

— Эй, кашевар! Чем нас сегодня накормят?

— Да уж точно не мясом!

Не смеялся один Гюисманс. Он следил за маневрами желтого директорского микроавтобуса далеко внизу, на площадке перед станцией. Автомобиль уехал оттуда и пропал из виду. Его окружила и поглотила толпа облаков, будто племя индейцев, напавшее на дилижанс.

Каждый раз, когда Гюисманс забирался сюда, ему казалось, что он ухватил простую, изначальную истину своей жизни. Но вот объяснить, какую именно, он не мог, а потому перевел взгляд наверх, к вершине.

Они подъезжали к металлической площадке у бетонированного входа в шахту. Здесь канатка заканчивалась. Как только кабина остановится, все пройдут по мосткам к ступеням блокгауза.

Гюисманс прищурился.

Площадка смотрелась как-то непривычно.

Было на ней что-то лишнее...

В переплетении металлических балок, качавшихся от ветра, угадывалась смутная тень.

«Орел угодил на трос и повис на роликах», — подумал он.

Да нет, чепуха. Тем не менее на тросе висела большая птица с раскинутыми крыльями. Может, гриф попал между прутьев решетки, да так и застыл от холода?

— Эй, поглядите-ка!

Это был голос Иоахима. Он тоже заметил. Все повернулись к платформе.

— О господи! Это еще что такое?

«Нет, не птица», — подумал Гюисманс.

Смутная тревога охватила его. Над платформой, как раз под переплетением тросов и металлических балок, что-то висело, словно подвешенное в воздухе. Оно напоминало гигантскую бабочку, темный, зловещий силуэт четко выделялся на фоне белесого неба и снега.

— Ох, блин! Это еще что за штучки?

Кабина замедлила движение. Они приехали. Силуэт увеличился.

— Мать Божья!

Это была не бабочка. И не птица.

Кабина остановилась, и двери автоматически открылись.

В лицо прибывшим ударил ледяной ветер со снегом. Но никто не торопился выходить из кабины. Все молча вглядывались в то, что сотворила обезумевшая смерть, и знали, что никогда не забудут того, что увидели.

Вокруг платформы завывал ветер. Гюисмансу больше не чудился в нем детский плач. Теперь звучала жестокая мука. Все дружно попятились от входа.

Страх налетел на них, как идущий на полной скорости поезд. Гюисманс бросился к наушникам и лихорадочно надел их на голову.

– СТАНЦИЯ? ЭТО ГЮИСМАНС! ВЫЗЫВАЙТЕ ПОЛИЦИЮ! СКАЖИТЕ, ЧТОБЫ ЕХАЛИ ПОСКОРЕЕ! ЗДЕСЬ ТРУП! ЧЕРТОВЩИНА КАКАЯ-ТО, ЧОКНУТЬСЯ МОЖНО!

Часть I

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ЛОШАДЕЙ

1

Пиренеи. Диана Берг увидела их, перевалив через холм. Плавная зыбь холмов здесь начала, ломаясь, рваться вверх, и на весь горизонт растянулась пока еще далекая белая стена. По небу нарезала круги хищная птица.

Десятое декабря, девять часов утра.

Если верить дорожной карте на табло, установленном на обочине, то ей надо миновать ближайший съезд с шоссе и повернуть на юг, в сторону Испании. На ее старенькой «Ланчии» не было ни навигатора, ни бортового компьютера. На растяжке над дорогой она прочла: «Съезд № 17, Монтрежё/Испания, 1000 м».

Диана ночевала в Тулузе, в отеле экономкласса, в крошечном номере с пластиковой душевой кабиной и мини-телевизором. Ночью ее разбудили какие-то крики. Она резко села на постели и насторожилась. Однако отель был погружен в полную тишину. Диана уже решила, что ей показалось, но тут крики зазвучали снова. У нее все внутри перевернулось, но тут она поняла, что это коты дерутся под окном. Однако сон пропал, и снова заснуть ей не удалось. Еще совсем недавно она была в Женеве, отмечала отъезд с коллегами и друзьями, разглядывала убранство своей комнаты

на факультете и гадала, как будет выглядеть ее следующее обиталище.

Выводя машину с парковки отеля по лужам талого снега, сползшего с кузовов, Диана вдруг поняла, что юность-то осталась позади. Она знала, что через пару недель забудет свою прошлую жизнь, а спустя несколько месяцев переменится и сама. Иначе и быть не может, если учесть, какое место на целый год станет для нее средой обитания.

«Оставайся самой собой», — советовал ей отец.

Выруливая с маленькой площади на уже запруженную транспортом улицу, Диана спрашивала себя, будут ли эти перемены к лучшему. Кто-то сказал, что зачастую, чтобы приспособиться, надо что-то терять, но она надеялась, что это не про нее.

Ее мысли все время возвращались к институту и к тем, кого туда поместили...

Они преследовали Диану с самого утра: «Не надо было сюда ехать. Я не справлюсь. Да, я подготовилась и лучше других подхожу для работы здесь, но совершенно не знаю, с чем столкнусь. Они же будут читать меня как открытую книгу».

Она думала о пациентах института как о людях, а вовсе не как... о монстрах каких-нибудь.

Хотя, по сути, они, наверное, такие и были: кошмарные существа, так же мало походившие на Диану, ее родителей и всех, кого она знала, как тигры на обычных кошек.

Тигры...

Наверное, так на них и надо смотреть. Они непредсказуемы, опасны, способны на любую жестокость. Тигры в высокогорной клетке...

На шоссе, на пункте уплаты дорожной пошлины, она обнаружила, что, отвлекшись на все эти мысли,

позабыла, куда дела свой проездной талон. Дежурный внимательно изучал Диану, пока она лихорадочно рылась в бардачке и сумочке. А ведь ее никто не подгонял, на шоссе не было ни души.

На очередной круговой развязке Диана свернула в сторону гор, за которыми лежала Испания, и через несколько километров равнина внезапно оборвалась. Появились первые горные отроги, и дорога пошла среди заросших лесом холмов, в которых пока было мало общего с зубчатыми вершинами, возникшими на горизонте. Погода тоже поменялась, и повалил густой снег.

За крутым поворотом лента шоссе нависла над заснеженной лесистой равниной, перерезанной множеством речек. На вершине одного из холмов Диана различила готический собор, а рядом с ним — небольшое селение. Сквозь мелькание дворников пейзаж походил на старинный офорт.

— Пиренеи — это тебе не Швейцария, — предупредил ее Шпицнер.

Снежный бордюр по бокам шоссе начал вырастать.

Сквозь снег она различила слабый свет проблескового маячка и подъехала к полицейскому кордону. Снег валил все гуще и гуще. Дорожные полицейские за шлагбаумом помахали ей светящимися жезлами. Диана заметила, что они вооружены. В грязном снегу на обочине под высокими пихтами стояли фургон и два мотоцикла. Она опустила стекло, и на сиденье посыпались снежные хлопья.

— Мадемуазель, ваши документы, пожалуйста.

Она наклонилась, чтобы вытащить документы из бардачка, и сквозь мерный стук дворников и сердитое ворчание выхлопной трубы различила обрывки ка-

ких-то хриплых фраз в нагрудных рациях постовых. Лицо Дианы покрыла холодная сырость.

— Вы журналистка?

— Психолог. Я еду в Институт Варнье.

Наклонившись к открытому окну, полицейский, здоровенный белобрысый парень ростом под метр девяносто, принялся ее внимательно разглядывать. Сквозь шум радиосигналов Диана различила грохот горной речки в лесу.

— Что вас занесло в это захолустье? Швейцария — вроде бы не задворки.

— Институт — это психиатрическая клиника, а я психолог. Показать вам свидетельство?

— Нет, все в порядке. — Он отдал документы. — Проезжайте.

Интересно, французские полицейские всех автомобилистов так допрашивают на постах? Или здесь что-то случилось? Дорога несколько раз вильнула между деревьями, повторяя изгиб речки, названной в путеводителе горным потоком. Потом лес кончился и открылась долина километров в пять шириной. По ней шла длинная прямая трасса, по сторонам которой теснились опустевшие кемпинги с печально хлопающими на ветру флагами, станции обслуживания и красивые домики в стиле альпийских хижин. Целые ряды рекламных щитов расхваливали достоинства окрестных лыжных курортов.

Наконец показался Сен-Мартен-де-Комменж. Если верить путеводителю с яркими картинками, он насчитывает двадцать тысяч восемьсот шестьдесят три жителя. Над городом, закрывая вершины гор, нависли серые тучи. Кое-где в разрывах облаков, словно высвеченные прожектором, проглядывали то остро-